

V.

Митрополитъ Филаретъ, какъ богословъ ¹⁾.

Филаретъ, митрополитъ московскій, въ исторіи русской церкви и, въ частности, въ исторіи русскаго богословія занимаетъ единственное мѣсто, имѣетъ исключительное значеніе, какое до него и послѣ него до нашихъ дней никому другому не выпало на долю. Въ теченіе десятилѣтій своей церковной дѣятельности онъ наполнялъ собою всю церковную жизнь, съ его именемъ были связаны все ея стороны, и до настоящаго времени его обширное наслѣдство еще не изжито, отъ него идутъ нити современныхъ церковныхъ движеній, его имя—среди церковныхъ дѣятелей—продолжаетъ оставаться самымъ извѣстнымъ, самымъ памятнымъ. Это была гениальная личность, необычайно одаренная, преимущественно, умомъ и волею. Умъ колоссальный, всеобъемлющій, способный одинаково и охватить цѣлое и уловить все частности, главное—свѣтлый, тонкій, здравый, неподражаемо надежный. И вмѣстѣ съ тѣмъ столь же колоссальная сила воли, неисчерпаемая энергія. Умъ не созерцательный, а практическій, воля твердая, дисциплинированная, опредѣляющаяся указаніями ума, а не порывами сердца.

Размѣры церковной и даже церковно-государственной дѣятельности Филарета изумительны. Съ трудомъ вѣришь, чтобы одинъ человекъ такъ много могъ сдѣлать. Къ нему стекались запросы, на которые едва успѣвала отвѣчать даже такая неусыпная энергія. Въ необъятной церковно-практической дѣятельности тонула богословская работа Филарета.

¹⁾ Прочитано 18 ноября въ академическомъ собраніи и 3 декабря на засѣданіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Печатается съ дополненіями.

Въ этой области, отвлекаемый архипастырскими заботами, онъ сдѣлалъ не столько, сколько бы могъ и хотѣлъ. Онъ, что наиболѣе важно, не оставилъ богословской системы, мысль о которой была у него. И при всемъ томъ, его богословское наслѣдство громадно.

Пунктомъ, на которомъ болѣе всего сосредоточивалось богословское вниманіе Филарета, былъ вопросъ объ источникахъ христіанскаго ученія, при рѣшеніи котораго онъ неутомимо выдвигалъ первенствующее значеніе слова Божія. Съ этимъ возрѣніемъ тѣсно былъ связанъ его „подвигъ въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ“.

Я, чтобы не злоупотребить вниманіемъ почтеннаго собранія, и ограничусь въ своей рѣчи ученіемъ Филарета о словѣ Божіемъ, но это ученіе Филарета я изложу обстоятельно.

Я—поклонникъ, пламенный поклонникъ русскаго богословія. Я не могу не быть крайне внимательнымъ къ слову русскаго богослова, особенно—такого авторитетнаго, какъ Филаретъ. Я представляю его ученіе не такимъ, какимъ его кому-либо желательно было бы видѣть, а такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ. .

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ, какъ историку русскаго богословія, слово всякаго русскаго богослова представляется въ исторической перспективѣ. И я не могу не начать своей рѣчи о богословіи Филарета указаніемъ на его предшественниковъ.

Въ своемъ ученіи о первенствующемъ значеніи слова Божія Филаретъ не былъ новаторомъ: до него уже сложилась довольно прочная традиція русскаго богословія.

Первымъ богословомъ, провозгласившимъ у насъ слово Божіе единымъ началомъ богословія, былъ славный архіеп. Теофанъ Прокоповичъ, родоначальникъ русской богословской науки. Во введеніи къ своему богословскому курсу, читанному въ бытность его ректоромъ кievской академіи (1712—1716): *Prolegomena de definitione, objecto, causa, portione, methodo et principijs theologiae*—онъ съ полною рѣшительностью заявилъ: *solum Dei verbum, solam sacram scripturam esse principium theologiae*. Позднѣе ¹⁾ Иринеи Фальковскіи,

¹⁾ Упомянемъ и Сильвестра (Лебединскаго), ректора казанской академіи († архіеп. астраханск. 1808), который въ своемъ *Compendium theologiae classicum didactico-polemicum, doctrinae orthodoxae christianae maxime consonum* (Petropli 1799; Mosquae 1805), исходя изъ признанія слова Божія единствен-

ректоръ той же академіи († епископомъ чигиринскимъ 1823) въ сокращенномъ изложеніи системы Теофанової: *Christianae, orthodoxae, dogmatico-polemicae theologiae, olim a clarissimo viro Theophane Prokopowicz ejusque continuatoribus adornatae—Compendium* (Mosquae 1802, 1810; Petropoli 1827) съ тою же опредѣленностью повторилъ тезисы Теофана: *sola sacra scriptura, seu solum Dei verbum, est principium theologiae* (Proleg. § 12). *Testimonia patrum non sunt eloquiis Dei aequiparanda, sed generant tantum humanam fidem.*

Изъ числа многочисленныхъ богослововъ, слѣдовавшихъ по путямъ Теофана, отмѣченъ печатью самобытнаго авторитета знаменитѣйшій іерархъ русской церкви, митрополитъ московскій Платонъ (Левшинъ). Онъ „ввелъ въ наше богословіе великорусскій элементъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ глубочайшую и послѣдовательную христіанскую философію, хотя онъ и неизвѣстенъ, къ стыду нашему, съ этой стороны. О словѣ Божіемъ Платонъ писалъ слѣдующее. „Вѣра наша на единомъ словѣ Божіемъ, какъ на неподвижномъ основаніи, утверждаться должна; а никакимъ образомъ на однихъ человѣческихъ опредѣленіяхъ, потому что *всякъ человекъ ложь, глаголъ же Господень пребываетъ вѣкъ*. Что должно разумѣть о церковныхъ преданіяхъ? Должно ли ихъ принимать, и человѣку христіанину имъ повиноваться за совѣсть? А чрезъ *преданія* разумѣемъ *нѣкоторыя опредѣленія или въ церкви принятыя обряды въ св. Писаніи прямо не показанныя, но однакожъ отъ апостоловъ или отъ другихъ отцевъ безъ писанія церкви сообщенныя и преданныя*. Должно принимать только такія преданія, которыя бы на св. Писаніи неотмѣнно имѣли утвержденіе, хотя чрезъ правильное, какъ говорится, заключеніе, понеже много въ писаніяхъ есть, что не говорится, а разумѣется, какъ напр. дѣтей крещеніе, хотя о томъ въ св. Писаніи нигдѣ прямо не объявляется, только весьма оттуду доказать можно: или по крайней мѣрѣ такія при-

нимъ и собственнымъ принципомъ богословія (*cum sacra scriptura sit unicum et proprium theologiae principium*), значеніе свитоотеческой письменности формулируетъ въ тезисѣ: *testimonia patrum non sunt eloquiis Dei comparanda, adeoque nec principium theologiae primum apodicticum, ingenerans fidem divinam, sed tantum ratio secundaria et probabilis, humanam fidem generans; et quae potius illustrationis gratia usurpanda, quam ad confirmandum.*

мать должно, которыя бѣ слову Божію не противны были: понежели когда апостолы что-нибудь предали безъ писанія, то несомнѣнно не противно тому, что въ писаніи церкви сообщили. Духъ Св., по котораго движенію учили и писали апостолы, самъ себѣ противенъ быть не можетъ, что самое явственно объявляетъ Павелъ 2 Кор. X, 11, и за такія преданія могутъ почестъся напр. строеніе церковей на востокъ, вся церковная утварь, кажденія, предъ крещеніемъ заклинанія, масломъ помазанія, прежде причащенія чтеніе правила, пощеніе, вечерня, утренняя, различные праздники, а въ праздникахъ различные обряды, посты. Всѣ такія и прочія преданія должны содержимы быть: понеже они не только слову Божію не противны, но и служатъ къ церкви украшенію и пользѣ. Иначе же никакъ не можно принять: ежели напр. человѣкъ будетъ приказывать и опредѣлять то, что совсѣмъ Божію слову противно: понеже, ежели индѣ, то здѣсь наипаче сбудется то Божіе угроженіе, что написано во Апокалип. гл. XXII, 18. Да ктомуужъ такими преданіями нагло слово Божіе уничтожается, и заповѣдь Божія разоряется, за что жестоко изобличалъ Иисусъ Христосъ фарисеевъ, Мѡ. XV, 6, и въ семь-то премного погрѣшаютъ суевѣры и паписты“ (VIII, 121—123).

Начатое ученымъ Теофаномъ Прокоповичемъ и утвержденное авторитетнымъ Илатономъ, ученіе о первенствующемъ значеніи слова Божія стало прочнымъ достояніемъ русскаго богословія. Мы его встрѣчаемъ и у св. Тихона Задонскаго. Насколько ученіе о первенствующемъ значеніи слова Божія упрочилось въ русскомъ богословіи, мы можемъ судить по богословскимъ системамъ іеромонаховъ Макарія (Петровича) и Ювеналія (Медвѣдскаго). Іеромонахъ Макарій (родомъ сербъ), ректоръ тверской семинаріи (†1766) въ своемъ трудѣ: „*Догматическая богословія*, или Православное ученіе восточной церкви, содержащее все, что христіанину, своего спасенія ищущему, знать и дѣлать надлежитъ, собранное изъ священнаго писанія, святыхъ отецъ и системъ богословскихъ и порядочно расположенное для пользы и употребленія юношеству въ 1780 году“ (напечатано въ томѣ первомъ „*Собранія всѣхъ сочиненій* бывшаго Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Проповѣдника, потомъ Префекта и Философіи учителя, а наконецъ Желтикова Монастыря Архимав-

дрита, Тверской Семинаріи Ректора и священной богословіи учителя Макарія“, М. 1786) писалъ: „Преданія, уставленныя отъ первенствующія церкви, соборовъ и святыхъ отецъ принимать надлежитъ, которыя основаніе имѣють въ писаніи... Мы баснями и суевѣріями исполненныя преданія не принимаемъ, но тѣ только, кои божію слову сходны“... Перу скромнаго хутынскаго іеромонаха Ювеналія принадлежитъ работа: „Христіанская богословія для желающихъ въ благочестіи вышшаго успѣха, предложенная іеромонахомъ Ювеналіемъ“—написана въ 1797 и напечатана въ 1806 году. Здѣсь мы читаемъ: „Богословіи первѣйшее основаніе есть едино токмо Священное Писаніе“ (I, 132). И далѣе: „Спросишь: что должно разумѣть о церковныхъ преданіяхъ и святыхъ отецъ писаніяхъ? Отвѣтствую: какъ святыхъ отецъ писанія, такъ и церковныя преданія слову Божію, въ Св. Писаніи находящѣмуся, согласныя и у древнѣйшихъ церковныхъ писателей въ свои сочиненія внесенныя, хотя принимать должно: однако смѣшивать, или сравнивать съ словомъ Божіимъ никакъ не надобно. Понеже иное есть слово Божіе, а иное святыхъ отецъ писанія и церковныя преданія. *Святыхъ отецъ писанія* суть книги, ихъ трудами сочиненныя, содержація въ себѣ или изъясненія слова Божія, или особенныя проповѣди, на основаніи онаго къ народу сказанныя, или другія вещи, о которыхъ надобность церковная и польза общая тогда требовала. *Преданія церковныя* разумѣются такія отъ Христа и апостоловъ учиненныя завѣщанія, кои явственно въ Св. Писаніи не обрѣтаются, но живымъ гласомъ токмо вѣрнымъ сообщенныя и въ церкви содержимыя: однако оныя, буде о нужныхъ для спасенія вещахъ ученіе въ себѣ содержать, то безъ сомнѣнія *по силѣ*, чрезъ правильное заключеніе, въ Св. Писаніи *находятся*; а буде не находятся, то не столь нужное въ тѣхъ ученіе заключается, чтобъ уже безъ знанія того спастися нельзя, но о вещахъ среднихъ, которыхъ никакъ съ догматами и заповѣдями, въ Св. Писаніи обрѣтающимися, сравнить не можно. И потому какъ преданія, такъ и святыхъ отецъ писанія въ приличныхъ мѣстахъ употреблять можно, а иногда и должно. Однако изъ нихъ свидѣтельства, истиннѣ божественной согласныя, приводить, не для доказательства и придачи къ слову Божію; но токмо для объясненія, дабы показать, что такъ и древніе оныя

учители, такъ и первенствующая церковь, наше учение подтверждающія, божественныя Священнаго Писанія изреченія разумѣли и толковали, какъ и мы нынѣ“ (I, 136—137).

Въ своемъ богословскомъ ученіи м. Филаретъ слѣдовалъ русской традиціи и, ближе всего, богословію своего „учителя“, „благодѣтеля“ и „предшественника“ Платона. М. Филаретъ былъ вѣрнымъ ученикомъ Платона, несмотря на то, что ученикъ, огорчившій, при первыхъ шагахъ своей карьеры, нѣжную привязанность своего благодѣтеля—какъ бы безсердечною и расчетливою разлукою съ нимъ, и въ богословіи, повидимому, не ставилъ для себя прямою задачею быть продолжателемъ Платона. „Странное дѣло—писалъ Филаретъ архим. Антонію въ 1847 г.—упало на мои руки. Дозволить ли напечатать нѣкоторые катихизисы владыки Платона, о которыхъ Цензурный Комитетъ усумнился, потому что въ нѣкоторыхъ не помѣщена молитва Господня, въ нѣкоторыхъ говорится только о двухъ или трехъ таинствахъ ¹⁾, встрѣчается выраженіе: *священный-обрядъ*, которое прилагаетъ онъ къ таинствамъ Крещенія и Евхаристіи, полагая Священное Писаніе основаніемъ ученія вѣры, онъ умалчиваетъ о преданіяхъ? Не удобно оставить сіи неточности, на которыя нынѣшній вѣкъ не просто смотритъ: но и трудно коснуться худыми руками дѣла хорошихъ рукъ“.

М. Филаретъ въ своемъ воззрѣніи на слово Божіе стоялъ на почвѣ традиціи русскаго богословія,—и онъ разработалъ этотъ пунктъ русскаго богословія съ свойственною ему тщательностью, наложилъ на него печать своего высокаго авторитета.

Мысли Филарета можно резюмировать въ слѣдующихъ тезисахъ. „1) Св. писаніе есть главный и первый, по сравненію съ церковнымъ преданіемъ, источникъ вѣроученія и правоученія христіанскаго, такъ что ему подчиняется и имъ

1) Что здѣсь однако мы далеки отъ протестантизма и по мысли самаго Филарета, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ трактата—академическихъ лекцій Филарета „*Историко-догматическое обозрѣніе ученія о таинствахъ* (1819)“: „Вообще новые греческіе и наши богословы, раздѣляя таинства на важнѣйшія и менѣе важныя и относя къ послѣднимъ пять таинствъ, отвергаемыхъ протестантами, занимаютъ какъ бы середину между католическими богословами, кои говорятъ, что таинства всѣ равны, и протестантами, кои принимаютъ только два таинства“.

повѣряется св. преданіе. 2) Св. писаніе есть самый главный критерій ученія и дѣятельности христіанъ, рѣшитель правосты и православія ихъ мнѣній и нравственности ихъ дѣйствій. 3) Св. писаніе заключаетъ въ себѣ все необходимое для спасенія христіанина, такъ что св. преданіе служить только для изъясненія св. писанія. 4) Св. писаніе необходимо для каждого христіанина“ ¹⁾.

Въ *Изложеніи разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры* (1811) написано слѣдующее. „Единый чистый и достаточный источникъ ученія Вѣры есть откровенное слово Божіе, содержащееся въ Священномъ Писаніи... Предположеніе о несовершенствѣ Св. Писанія, очевидно, клонится къ тому, чтобъ дать болѣе важности преданіямъ человѣческимъ. Но какъ нѣтъ члена Вѣры, который бы не былъ открытъ въ Св. Писаніи, можемъ умудрити во спасеніе (2 Тим. III, 15), такъ его молчаніе о какомъ-либо преданіи показываетъ токмо то, что сіе преданіе не есть членъ Вѣры. Впрочемъ, преданіе не отдѣльное, а въ совокупности съ Св. Писаніемъ, можетъ быть признаваемо вспомогательнымъ источникомъ ученія христіанскаго. (Въ противоположность этому, католическое ученіе гласитъ: Священное Писаніе не есть достаточный источникъ спасительнаго ученія; ибо въ христіанствѣ многое нужно знать и такое, чего нѣтъ въ Св. Писаніи, какъ, напр., что Пасху должно праздновать въ день недѣльный). Все, нужное ко спасенію, излагается въ Св. Писаніи съ такою ясностію, что каждый, читающій его съ искреннимъ желаніемъ просвѣтиться, можетъ разумѣть оное... Просвѣщенные толкователи Св. Писанія, конечно, полезны для христіанъ мало просвѣщенныхъ. Но мысль, что для извлеченія изъ него членовъ Вѣры потребенъ нѣкій самовластный истолкователь, унижаетъ достоинство слова Божія и покоряетъ Вѣру слову человѣческому. (Напротивъ, по католичеству: Св. Писаніе такъ темно, что его нельзя разумѣть безъ истолкованія; ибо многія изреченія его допускаютъ различное изъясненіе). Каждый имѣетъ не токмо право, но и обязанность, по возможности, читать Св. Писаніе на вразумительномъ для него языкѣ и поучаться изъ онаго. (По католичеству:

¹⁾ И. Н. Корсунскій *О подвигахъ Филарета М. М. въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ*, стр. 242—246.

Мірскіе на природномъ языкѣ не должны читать Св. Писанія; ибо, читая, могутъ впасть въ заблужденіе). (Это) положеніе Римской Церкви, подъ видомъ остереженія отъ заблужденія, заграждаетъ надежнѣйшій путь къ просвѣщенію въ Вѣрѣ¹⁾.—Св. Писаніе, какъ слово Самого Бога, есть единый верховный судья распрей и рѣшитель недоумѣній въ Вѣрѣ. (По католичеству: Папа Римскій есть верховный и непогрѣшительный судья распрей и рѣшитель недоумѣній, касающихся до Вѣры). Свящ. Писаніемъ повѣряются опредѣленія Соборовъ, такъ что никакой Соборъ не можетъ установить члена Вѣры, который бы не былъ доказанъ изъ Св. Писанія. Сего правила всегда держалась древняя Церковь... Единъ Иисусъ Христосъ, яко сердцеѣдецъ, знаетъ общества, которыя истинно собираются во имя Его. Ибо мы не иначе можемъ объ нихъ судить, какъ на основаніи уже извѣстнаго слова Божія; безъ сей же осторожности мы могли бы покориться опредѣленіямъ и тѣхъ Соборовъ, которые, подъ именемъ Христіанства, можетъ собирать суемудріе, или властолюбіе. (По католичеству: Соборы имѣютъ равную непогрѣшительность съ Св. Писаніемъ, ибо на нихъ присутствуетъ Иисусъ Христосъ). Св. Писанію подчиняются и имъ повѣряются преданія; но преданія о членахъ Вѣры, которыхъ бы не находилось въ ономъ совѣмъ, не должны быть принимаемы; ибо Св. Писаніе на многихъ мѣстахъ запрещаетъ прибавлять что-либо къ содержащемуся въ ономъ ученію. (По католическому ученію: Преданія неписанныя должны быть принимаемы съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и писанное слово Божіе, и могутъ содержать члены Вѣры, необходимые для спасенія). Ученіе христіанское распространялось преданіемъ и писаніемъ совокупно, и потребное для сохраненія онаго число Св. книгъ Новаго Завѣта постепенно пополнялось. Но когда въ сихъ книгахъ Церковь получила всеобщее и достаточное правило Вѣры (Фил. III, 16), тогда допускать не написанное слово Божіе, равносильное писанному, значить подвергать себя опасности „разорять заповѣдь Божію за преданіе человѣческое“ (Мѡ. XV, 6).

¹⁾ Специально отвергается заблужденіе, что, будто, „священное писаніе предано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей“ въ Собр. мн. и отв. III, 59.

Обзорніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ (1814) содержитъ взглядъ Филарета на значеніе слова Божія для богословія. „Откровенное слово Божіе съ того времени, какъ не могло болѣе безъ поврежденія и утраты быть сохраняемо преданіемъ, заключено и постепенно предложено для всеобщаго разумѣнія въ Священномъ Писаніи, которое потому и есть корень, на коемъ утверждаются и отъ коего получаютъ жизнь и силу всѣ отрасли богословскихъ познаній. Но какъ 1) образъ и порядокъ, въ которомъ предлагается въ Священномъ Писаніи слово о Богѣ, есть болѣе повѣствовательный и собирательный, нежели изслѣдовательный и систематическій; и потому 2) не все то, что содержится въ Священномъ Писаніи по необходимости входитъ въ составъ Богословскаго ученія; кромѣ того 3) какъ не всѣ части Священнаго Писанія равно вразумительны, частію по своему содержанію, частію по своей древности; еще же 4) по сему послѣднему обстоятельству не вдругъ открываются въ ономъ тѣ примѣненія откровенныхъ истинъ, какія свойственны потребностямъ настоящихъ временъ: то и нужно было извлечь изъ Священнаго Писанія, и совокупить въ правильный составъ (систему) необходимѣйшія и употребительнѣйшія истины, съ направленіемъ ихъ къ той же цѣли, къ какой назначено само Богодуховенное Писаніе... Слово Божіе должно быть непрестанно во устахъ каждаго христіанина, колыми паче посвятившаго себя въ особенности въ служеніе вѣры и Церкви. Въ ономъ должно сосредоточиваться всякое человеческое ученіе. Отъ него должны заимствовать духъ и свѣтъ всѣ науки“.

Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи христіанскомъ (1815) исходнымъ пунктомъ берутъ фактъ принадлежности каждаго вѣрующаго къ тому или другому христіанскому обществу. „Но нынѣ многія общества, между собою различныя, собираются во имя Христова“. Гдѣ же „истинная христіанская Церковь“? Въ Церкви, въ каждомъ церковномъ обществѣ дѣйствуетъ принципъ власти: вѣрующій долженъ повиноваться Церкви. Но повиновеніе не можетъ быть слѣпымъ. Всякая власть отъ Бога. Повиновеніе надлежитъ единственно Богу. *Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели чловѣкамъ* (Дѣян. V, 29). Чтобы повиноваться

Церкви, церковному обществу, вѣрующему должно удосто-
вѣриться, что власть Церкви надъ нимъ угодна Богу. Пови-
новатися подобаетъ Богу паче, нежели челоувѣкамъ: это зна-
чить, что христіане, чувствуя себя обязанными повиноваться
какой-либо на землѣ власти, должны повиноваться ей дотолѣ,
доколѣ она не требуетъ отъ нихъ того, что Богъ запрещаетъ.
Гдѣ же заключаются требованія Церкви и гдѣ запрещенія
Бога? Требования Церкви содержатся въ церковныхъ
догматахъ, опредѣленіе: въ Никейско-Цареградскомъ Сим-
волѣ, а запрещенія Божіи въ словѣ Божіемъ. Итакъ, во-
просъ о церковномъ авторитетѣ сводится къ провѣркѣ требо-
ваній Никейско-Цареградскаго символа вѣры словомъ Божі-
имъ. Нужно спрашивать такъ: „находитесь ли въ Символѣ
Восточной Церкви что-нибудь такое, что не есть чистая
истина Богомъ откровенная?“ Оправданіе Восточной Церкви,
какъ и всякаго другого церковнаго общества, должно быть
въ томъ, что „все содержащееся въ Символѣ Восточныя
Церкви есть чистая истина Богомъ откровенная“. Но гдѣ
ручательство въ истинности самого критерія испытанія цер-
ковной правоты? Ручательство въ томъ, что сама Цер-
ковь (Восточная) признаетъ этотъ критерій, руководится въ
своей жизнедѣятельности принципомъ вѣрности слову Бо-
жію. Доказательство того, что критерій выбранъ вѣрно, и
доказательство того, что Восточная Церковь отвѣчаетъ этому
критерію—эти доказательства совпадаютъ. Церковь *хочетъ*
быть вѣрною слову Божію, и она въ дѣйствительности своихъ
догматическихъ опредѣленій остается ему вѣрною. „Всѣ, не
только истины, но даже всѣ важнѣйшія слова и выраженія,
содержащіяся въ Символѣ Восточныя Церкви, взяты изъ
С. Писанія, которое содержитъ чистую истину Богомъ откro-
венную. Одно слово: *Каѳоличѣскаю*, по славянскому
переводу, *Соборную*, не столь близко, какъ прочія, произве-
дено быть можетъ изъ С. Писанія: но сіе слово содержитъ
въ себѣ не столько сущность, сколько изъясненіе догмата“. Отъ
испытанія по указанному критерію освобождается нрав-
ственно-практическое ученіе Восточной Церкви („десять запо-
вѣдей“), такъ какъ „Церковь Восточная предоставляетъ
истолкованіе закона собственному разсужденію и совѣсти“
христіанина, и при помощи токмо Церковныхъ Учителей,
и подъ руководствомъ Слова Божія“. Въ области жизни

самъ христiанинъ отсылается Церковiю къ живому источнику слова Божiя, къ внутреннему общенiю со Христомъ. Равнымъ образомъ, приведенную формулу, что Церкви должно повиноваться дотолѣ, доколѣ она не требуетъ отъ насъ того, что Богъ запрещаетъ, нѣтъ нужды осложнять дополненiемъ: „(доколѣ она не требуетъ того, что Богъ запрещаетъ), и не запрещаетъ того, что Богъ повелѣваетъ“. Тутъ могла бы идти рѣчь не о нравственномъ ученiи Церкви, а объ ученiи догматическомъ. „Что принадлежитъ до нравственнаго ученiя Восточной Церкви“, то, какъ уже сказано, „никакому сомнѣнiю“ не можетъ быть мѣста. „Но что касается до ученiя вѣры“, то можно, повидимому, спросить, „не исключаетъ ли Восточная Церковь изъ своего Символа нѣкоторыхъ важныхъ истинъ, и такимъ образомъ не запрещаетъ ли вѣрить тому, чему Богъ вѣрить повелѣваетъ“. Этотъ вопросъ очень легко устраняется простымъ указаниемъ на положительную форму церковно-догматическихъ опредѣленiй. „Само собою разумѣется, что Символь запрещаетъ вѣрить тому, что противоположно содержащимся въ немъ истинамъ; какъ напримѣръ, что Богъ не есть троицень. Ибо всякая истина включаетъ то, что ей противоположно. Кромѣ же сего, Восточный Символь ничего не запрещаетъ и не исключаетъ. Ты говоришь въ немъ: *вѣрую, исповѣдую*; но ни однажды не говоришь: *не вѣрую, обязуюсь не исповѣдывать*... Можешь вѣрить и тому, о чемъ „Восточный Символь“ не говоритъ, но что, яснымъ или сокровеннымъ образомъ, заключается въ С. Писанiи, а слѣдственно и есть въ духѣ сего Символа. Напримѣръ: ты говоришь въ Символѣ: *исповѣдую едино крещенiе*; а не говоришь: *исповѣдую таинство тѣла и крови Христовой*. Однако можешь и долженъ вѣрить послѣднему вмѣстѣ съ первымъ... Поелику Символь, утверждая извѣстныя истины, не исключаетъ, или не опровергаетъ чрезъ то другихъ, которыя отъ слова до слова не держатся въ немъ: то слѣдственно и не запрещаетъ онъ вѣрить ничему такому, чему Богъ вѣрить повелѣваетъ“. Подъ вопросомъ остаются лишь положительныя церковныя вѣроопредѣленiя; остается лишь опасенiе, не требуетъ ли Церковь того, что Богъ въ писанiи запрещаетъ. И это опасенiе, какъ видѣли, устраняется тѣмъ, что и въ своихъ положительныхъ опредѣленiяхъ Церковь слѣдуетъ слову Божiю.

Критерій слова Божія, такимъ образомъ, не знаетъ никакихъ исключеній. Но слово Божіе есть органъ внутренняго общенія вѣрующаго съ Богомъ, есть знаменіе непосредственнаго соединенія его съ Духомъ Христовымъ. Это—внутренній критерій, который и остается самымъ послѣднимъ рѣшителемъ церковнаго вопроса. По этому критерию опредѣляется не только общій духъ Вселенской Церкви, одинаково свойственный „двумъ великимъ церквамъ, Восточной и Западной“, но и „особенный духъ“ каждой изъ нихъ, въ частности, духъ Восточной Церкви. И это, послѣднее, самое конкретное „испытаніе можетъ ограничено быть симъ вопросомъ: преподааетъ ли Церковь, въ которой ты находишься, чистое ученіе, руководствующее къ соединенію съ Духомъ Христовымъ?“ Но такъ какъ „чистое ученіе“ есть то, „которое содержитъ одну истину безъ примѣшенія лжи“, и такъ какъ не „можетъ быть ложь въ томъ ученіи, которое не обязываетъ вѣрить ничему такому, чему Богъ запрещаетъ вѣрить, и не исключаетъ ничего такого, чему Богъ вѣрить повелѣваетъ“; то „на мѣсто вопроса: преподаетъ ли Церковь чистое ученіе? можно поставить слѣдующій: точно ли Церковь въ ученіи своемъ не обязываетъ вѣрить ничему такому, чему Богъ запрещаетъ вѣрить, и не исключаетъ ничего такого, чему Богъ вѣрить повелѣваетъ?“ Это тотъ же вопросъ, на который уже данъ отвѣтъ.

Критерій слова Божія, какъ единаго чистаго источника христіанской истины, оставляетъ широкое мѣсто для вѣроопредѣлительной дѣятельности церкви, не имѣя ничего общаго съ крайностями индивидуалистическаго субъективизма. Съ этой точки зрѣнія догматическая дѣятельность церкви совершается по „слѣдующему закону: общее вѣроисповѣданіе и постановленіе Вселенской Церкви опредѣляется изъ слова Божія общимъ согласіемъ Вселенской Церкви чрезъ посредство ея учителей,—частныя церкви могутъ дѣлать токмо частныя для себя установленія, относящіяся до благочинія церковнаго, а не касающіяся основанія христіанства“. Значеніе Вселенской Церкви въ отличіе отъ частныхъ церквей въ томъ, что Вселенской Церкви *врата адавы не одолѣють*, тогда какъ „частныя церкви могутъ колебаться и падать“. Однако „полная мѣра и внутренній составъ“ Вселенской Церкви, которая есть *единое великое тѣло* Христа

Иисуса,—вѣдомы только“ главѣ—Христу. „Намъ же извѣстны различныя части Его (тѣла), и болѣе наружный образъ, распростертый по пространству и времени. Стараясь объять сей образъ во все время Христіанства, я представляю себя оный по частямъ... Въ видимомъ семъ образѣ или *видимой Церкви* находится *невидимое тѣло Христово*, или *невидимая Церковь*, *Церковь славная*, *неимущая скверны или порока*, или *ничто отъ таковыхъ*. Но коея вся слава *внутрь*, и которой посему я, чисто и раздѣльно, не вижу, но въ которую, послѣдуя символу, *втрюю*. Облекающая же невидимую, видимая Церковь, частію, открываетъ чистоту невидимой, дабы все могли обрѣтать и сію и соединяться съ нею, частію сокрываетъ ея славу“. Отсюда слѣдуютъ два важныхъ вывода: отрицательный и положительный. Такъ какъ полная мѣра и внутренній составъ Вселенской Церкви вѣдомы Единому Богу, то отдѣльный вѣрующій не можетъ „производить судъ надъ нѣкоторыми церквями“. Однако это не исключаетъ преданности вѣрующаго своей помѣстной (Православной) церкви. Самая дѣйствительность духовнаго возрожденія свидѣлствуетъ объ истинности Православной Церкви, о томъ, что она вводитъ вѣрующихъ въ лоно Вселенской Церкви. Коллеблющемуся и сомнѣвающемуся приходится выслушать упрекъ въ противорѣчій голосу собственной совѣсти. „Ты признаешь, что посредствомъ крещенія ты содѣлался членомъ тѣла Христова въ то же время, какъ содѣлался членомъ Церкви Восточной: и опять не знаешь, къ какой Церкви принадлежишь, а только еще выбираешь, къ какой бы лучше присоединиться. Не подобно ли сіе тому, какъ естли бы членъ отторгся отъ мѣста, которое занималъ въ тѣлѣ, и сталъ искать себя новаго мѣста? Тѣмъ самымъ дѣйствіемъ, которымъ ты вступилъ въ союзъ съ Церковію Греко-Россійскою, ты насажденъ, яко членъ, въ тѣлѣ Христовомъ: не ясно ли, что въ оной видимой Церкви таинственно находится невидимое тѣло Христово, или какъ бы часть сего тѣла, составляемаго изъ вѣрующихъ всехъ временъ и мѣстъ? Подумай же, что тебѣ приличнѣе: стараться ли вѣрою пребывать въ семъ духовномъ общеніи святыхъ? или съ недоувѣрчивостію искать иной наружной церкви, которая была бы тебѣ по мысли? Черезъ посредство частной церкви Греко-Россійской ты соединенъ со всеобщю Церковію Божіею: и

теперь возстаешь противъ первой сомнѣніями ума и чуждыми любви расположеніями сердца. Не подобно ли сіе тому, какъ естли бы персть умыслилъ отсѣчь отъ тѣла руку, или другую большую часть? Союзъ между частями одного тѣла можетъ быть разрушенъ токмо смертію, или цѣлаго, или нѣкоторыхъ частей. Ты готовъ разрушить союзъ твой съ Греко-Россійскою Церковію, съ которою былъ едино тѣло во Христі. Неужели ты могъ увѣрить себя, что вся сія Церковь поражена смертію,—сія Церковь, которая была для тебя подательницею жизни въ принятыхъ отъ нея тобою таинствахъ?“

Въ книгѣ *Бесѣды къ глаголемому старообрядцу* (1834) излагаются, по поводу Стоглаваго собора, общія правила сужденій объ авторитетѣ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. На вопросъ: „кого надлежитъ слушать?“ дается отвѣтъ: „для познанія истины и для спасенія души должно слушать, во-первыхъ, Священнаго Писанія, Пророческаго и Апостольскаго, во-вторыхъ, святыхъ древнихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и, въ-третьихъ, святыхъ Отцевъ, въ ихъ писаніяхъ и въ достовѣрныхъ о нихъ преданіяхъ“. Въ частности, о помѣстныхъ соборахъ далѣе сказано: „1) Помѣстному Собору, какому бы то ни было, должно повиноваться, естли постановленія его не противны слову Божію, прежнимъ принятымъ всею православною Церковію Соборамъ и ученію святыхъ Отець. 2) Естли въ постановленіяхъ Помѣстнаго Собора находится статья, несогласная съ словомъ Божіимъ: то повиноваться должно, безъ сомнѣнія, слову Божію, а не сей статьѣ“ 1).

1) Этимъ исчерпывается сказанное въ обозрѣваемомъ отрывкѣ о словѣ Божіемъ; но въ виду важности вопроса о соборахъ приводимъ и послѣдующее. „3) Естли въ постановленіяхъ Помѣстнаго Собора находится статья, несогласная съ прочими, всею православною церковію принятыми Соборами: то должно повиноваться постановленіямъ, принятымъ всею церковію, преимущественно предъ статьею, не многими составленною. 4) Естли въ постановленіяхъ Помѣстнаго Собора находится статья, которая отмѣнена послѣдующимъ большимъ и важнѣйшимъ Соборомъ: то постановленію большаго и важнѣйшаго Собора повиноваться должно преимущественно предъ статьею меньшаго Собора.—Истина сихъ правилъ довольно очевидна. Естли бы ты усумнился: можетъ ли послѣдующій Соборъ отмѣнять положеніе предшествовавшаго: сіе сомнѣніе не трудно разрѣшить примѣрами изъ древнихъ Соборовъ. Помѣстнаго Ап-

На тему о св. писаніи и преданіи Филаретомъ произнесено 1838 г. сентября 13 слово (по освященіи храма Живоначальныя Троицы въ Московскомъ Даниловъ монастырѣ), отвѣчавшее живымъ, конкретнымъ запросамъ времени. „Съ тѣхъ поръ, какъ—читаемъ здѣсь—ученіе Христіанское заключено въ священныя книги, Святая Церковь, для вѣрнаго и неизмѣннаго сохраненія сего ученія, имѣеть обычай и правило, не только мысли сего ученія на непреодольномъ свидѣтельствѣ Богодухновеннаго Писанія утверждать, но и самыя слова и выраженія, для означенія важнѣйшихъ предметовъ и частей ученія заимствовать изъ того же чистаго источника Писанія. Такъ, если тщательно разберете Символь Православной Вѣры, и сравните его съ Священнымъ Писаніемъ: то найдете, что Святые Отцы Никейскаго и Константинопольскаго Вселенскихъ Соборовъ изобразили въ немъ догматы Вѣры не своими словами и выраженіями, но взятыми изъ Священнаго Писанія, и такимъ образомъ Символь Вѣры имѣеть для насъ сугубую важность; ибо не только въ немъ изрекають истину Отцы Церкви, но и само Священное Писаніе, само слово Божіе говоритъ ихъ устами. Подобно сему и въ ученіи о преданіяхъ самое сіе понятіе, и самое наименованіе *преданія* заимствуется изъ Священнаго Писанія.

Но главнѣйшимъ основаніемъ сего ученія можно принять слѣдующее изреченіе того же Апостола: *тѣже убо, братіе, стойте и держите преданія, имѣ же научистесь, или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. II, 15).

Вотъ вмѣстѣ и ученіе для разумнія, и ученіе для исполненія, и заповѣдь о преданіяхъ, и введеніе въ познаніе преданій. *Стойте и держите преданія*, т. е. твердо и постоянно соблюдайте: вотъ заповѣдь, выраженіе непремѣнной обязан-

кирскаго Собора правило 10 позволяло діакону вступить въ бракъ, если онъ прежде рукоположенія объявилъ, что онъ расположенъ вступить въ оный. Но сіе отмѣнено 6 правиломъ шестаго Вселенскаго Собора, какъ именно сказано въ Кормчей книгѣ, въ толкованіи сего послѣдняго правила: *се же правило таковое отвергаемъ и отнюдь утражняемъ*. Также и 15 правило Новокесарійскаго Собора, о седми діаконахъ для города, отмѣнено 16 правиломъ шестаго Вселенскаго Собора. Въ толкованіи сего послѣдняго правила даже сдѣлано замѣчаніе, что *не добръ разумѣши того Собора отцы*“.

ности, соблюдать преданія. *Преданія, имже научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ*: вотъ, вмѣстѣ съ наименованіемъ преданій, руководство къ истолкованію сего наименованія. *Преданіями* называетъ Апостоль все то, чему отъ него *научились* Христіане, яко отъ Апостола, относительно вѣры, священноначалія, Богослуженія, благочинія церковнаго и правильности жизни. Далѣе онъ различаетъ два вида преданія: преданіе посредствомъ *посланія*, или писанное преданіе, и преданіе посредствомъ *слова*, или неписанное преданіе. Но какъ преданіе писанное простѣе и обычнѣе означается наименованіемъ Священнаго Писанія: то наименованіе преданія обыкновенно употребляется для означенія того, чему не посредствомъ Священнаго Писанія, но посредствомъ слова и примѣра мы научились отъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ.

Достойно примѣчанія, что Апостоль нераздѣльно и равно заповѣдуетъ держаться и преданій посредствомъ *слова*, и преданій посредствомъ *посланія*, или иначе сказать, велитъ нераздѣльно и равно держаться и Священнаго Писанія и священныхъ преданій. Преданія и Богодухновенное Писаніе стоятъ у него рядомъ; онъ требуетъ отъ насъ не меньшаго вниманія и ревности къ преданіямъ, какъ и къ Богодухновенному Писанію. Нужно ли болѣе сего, для удостовѣренія о важности преданій, и для побужденія къ вѣрному соблюденію оныхъ? Здѣсь могъ быть и конецъ ученію о преданіяхъ, если бы мы, подобно непосредственнымъ ученикамъ Апостоловъ, имѣли предъ глазами и непосредственное Апостольское и потому несомнѣнно истинное, преданіе.

Но уже христіанскія преданія прошли чрезъ многія страны, народы, языки, чрезъ многія вѣки. Къ первоначальнымъ преданіямъ Апостольскимъ присоединились преданія Отеческія разныхъ степеней древности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ преданій оказалось разнообразіе, простирающееся до противорѣчій. Сдѣлалось нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій,—изслѣдованіе, не всегда удобное и не всякому доступное. Для удостовѣренія въ подлинности и достоинствѣ преданій, всего лучше было бы съ точностію знать ихъ начало: но оно нерѣдко скрывается въ туманной дали прошедшаго. Теперь что дѣлать?

Прежде, нежели скажемъ, что доляно дѣлать,—посмотримъ, что дѣлаютъ. Одни обращаютъ все вниманіе на то,

что въ преданіяхъ есть темнаго и недостовѣрнаго, и отсюда выводятъ догадку, не суть ли оныя дѣла, если не просто человѣческое, то, по крайней мѣрѣ, преданное Провидѣніемъ произволу людей и случайностямъ временъ, и не позволительно ли освободить себя отъ дальней заботы о преданіяхъ, тогда какъ *имамы извѣстнѣйшее Пророческое и Апостольское слово въ Богодухновенномъ писаніи, могущее умудрити во спасеніе, да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ*. Другіе, обращая вниманіе только вообще на заповѣдь соблюдать преданія, безъ изслѣдованія, безъ разсужденія, слѣпо держать преданія, какъ-нибудь упавшія на ихъ руки, не стараясь дознать ихъ подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно дѣлать? Должно остерегаться обѣихъ крайностей, теперь указанныхъ.

Священное Писаніе начато чрезъ Моисея. Какъ же до того, въ продолженіи столь многихъ вѣковъ отъ начала міра, сохранялась и распространялась истинная вѣра, и учреждалось сообразное съ нею Богослуженіе?—По преданію. Слѣдственно преданіе былъ точно такое же орудіе Божіе ко спасенію человѣковъ, какъ и Священное Писаніе.

Священное Писаніе Новаго Завѣта начато чрезъ Евангелиста Матѳея, спустя восемь лѣтъ по вознесеніи Господнемъ на небо. Гдѣ же до того было Евангеліе, основаніе догматовъ, ученіе жизни, уставъ Богослуженія, законы управленія церковнаго? Въ преданіи. Богодухновенное Писаніе, по свидѣтельству одного изъ священныхъ писателей, именно, святаго Евангелиста Луки, есть только продолженіе и неизмѣннѣе особеннымъ устройеніемъ Духа Божія упроченный видъ преданія. Лук. I, 2, 3.

Вы хотите все утверждать на незыблемомъ основаніи Священнаго Писанія. Очень хорошо. Такъ и должно. Между тѣмъ откуда извѣстно вамъ, какія книги суть священныя, и почему та или другая изъ нихъ точно принадлежитъ къ числу священныхъ? Сіе извѣстно большею частію изъ преданія. Итакъ самое Священное Писаніе пользуется пособіемъ преданія.

Если такъ важно истинное преданіе, прежде писанія, и вмѣстѣ съ писаніемъ: то когда же могла бы уменьшиться его важность? Развѣ тогда, когда писаніе, ставъ на мѣсто преданія, сказало бы намъ, что уже не нужно заботиться о

преданіи? Но писаніе говоритъ противное сему: *стойте и держите преданія, иже научитесь или словомъ, или посланіемъ.*

Впрочемъ, если даже Апостоловъ должно было испытывать въ томъ, истинные ли они Апостолы, какъ сіе видно изъ того, что въ Откровеніи Святаго Іоанна Самъ Господь одобряетъ дѣло Ангела Ефесскія Церкви, *искусившаго глаголющіяся быти Апостолы и обрѣтшаго ихъ ложныхъ:* то кольми паче послѣ Апостоловъ, чрезъ столь многія руки, чрезъ столь многіе вѣки прошедшія преданія, нужно испытывать, суть ли онѣ истинныя Апостольскія и Святоотеческія, и не подверглись ли неправымъ измѣненіямъ, и чуждымъ примѣненіямъ. Безъ сей осторожности наше служеніе Богу можетъ подвергнуться тому же осужденію, которымъ Господь поразилъ фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ, державшихъ преданія старецъ: Мар. VII, 7. 8.

Спросятъ, можетъ быть: какъ же предохранить себя отъ сего осужденія? Какъ испытать преданія, и отличить несомнительное? Надежнѣйшее для сего, и удобнѣйшее къ употребленію правило изъ приведеннаго теперь изреченія Господня. Испытывай преданіе посредствомъ слова Божія и посредствомъ заповѣдей Божіихъ. Если преданіе противорѣчитъ слову Божію; если оно ведетъ тебя къ нарушенію заповѣди Божіей: то знай, что это человѣческое, не истинное преданіе, что такое преданіе соблюдалъ бы ты *всуге*, между тѣмъ какъ нарушеніе заповѣди Божіей осудило бы тебя.

Другое правило для испытанія преданій можно извлечь изъ слѣдующаго изреченія святаго Апостола Павла къ Тимоѣю: 1 Тим. III, 15. Если церковь есть столпъ и утвержденіе истины: то въ ней должно искать истины и ею можно повѣрять требующую дознанія истину, и особенно истину преданій, которыхъ Церковь есть вѣрное хранилище“...

Въ *Пространномъ Катихизисѣ* изданій ранѣе 1839 года о преданіи нѣтъ рѣчи, а въ изданіи этого года и послѣдующихъ ¹⁾ о преданіи сказано слѣдующее. На вопросъ: „должно ли соблюдать священное преданіе и тогда, когда мы имѣемъ священное Писаніе?“ дается отвѣтъ: „Должно соблюдать

¹⁾ См. И. Н. Кореуцкаго *Судьбы катихизисовъ Филарета М. М. въ Русск. Вѣст.* 1883 г.

преданіе, съ Божественнымъ откровеніемъ и съ священнымъ Писаніемъ согласное“... И за вопросомъ: „для чего и нынѣ нужно преданіе?“ слѣдуетъ отвѣтъ: „для руководства къ правильному разумѣнію священнаго Писанія, для правильного совершенія таинствъ и для соблюденія священныхъ обрядовъ въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія“.

Къ тому же вопросу объ отношеніи писанія къ преданію Филаретъ возвращается въ *Замѣчаніяхъ на Руководство къ Герменевтикѣ*, составленное архимандритомъ Аѳанасіемъ (1841—1842).

„Мысль, что въ „Св. Писаніи не всѣ догматы содержатся“, если разумѣть догматы въ строгомъ смыслѣ, несправедлива; а если и не въ строгомъ смыслѣ, то не довольно опредѣленна, и въ сей неопредѣленности можетъ вести къ заключеніямъ, оскорбительнымъ для достоинства Св. Писанія.

Мысль, что догматы, которые содержатся въ Св. Писаніи, „намѣренно прикрыты нѣкоторою темнотою“, не доказана, въ пространствѣ своемъ несправедлива и оскорбительна для достоинства Св. Писанія. Духъ Св. изглаголадь Св. Писаніе, чтобы просвѣщать, а не затмѣвать.

Чтобы понять темное въ Св. Писаніи, сочинитель совѣтуетъ обратиться къ церковнымъ правиламъ, богослужебнымъ книгамъ и отцамъ Церкви. Хорошо и благонамѣренно: но пропущено весьма важное, именно то, что отъ темныхъ мѣстъ Св. Писанія надобно обратиться къ яснымъ мѣстамъ того же Писанія. Если богослужебныя книги рѣшатъ дѣло: то западный христіанинъ, по сему началу, по своей богослужебной книгѣ вѣчно читать будетъ и долженъ: *Filioque*, и слѣдственно никогда не обратится къ православію. Надобно высшее начало, которымъ бы показывалось и то, въ которой Церкви богослужебныя книги сохранили чистоту догматовъ: сіе начало въ Св. Писаніи. Къ нему, *яко свѣтилицу сіяющую* (2 Петр. I, 19), обращаться велитъ Апостоль и всегда обращались святыя соборы и святыя отцы Церкви. Важность книгъ богослужебныхъ различныхъ степеней. Важность литургій св. Апостола Іакова, св. Василія и св. Златоустаго, совсѣмъ не то, что нѣкоторыхъ церковныхъ нѣнопѣній, которыхъ составители и къ святымъ не причислены Церковію. Въ основательномъ и осторожномъ ученіи необходимо различеніе.

Мысль, что Св. Писаніе не излагаетъ образца здраваго ученія, несправедлива и несообразна съ достоинствомъ слова Божія.

„Священное Писаніе верховнымъ судіею въ дѣлахъ вѣры поставляетъ Церковь. Именно Самъ Господь говоритъ: *повѣждь церкви*“ и проч. Здѣсь доказательство не точно: потому что приведенное изреченіе Господне произнесено не о догматахъ, а о грѣхахъ: *аще согрѣшишь къ тебѣ братъ твой*. А самое положеніе односторонне: потому что оставлена безъ вниманія другая важная сторона дѣла, именно, что судъ въ дѣлахъ вѣры принадлежитъ слову Божію. *Испытайте писанія,—и та суть свидѣтельствующія о мнѣ* и проч., и святая Церковь въ послѣдованіи недѣли православія говоритъ, что еретики и раскольники подвергаютъ себя суду пресвятаго слова Божія. Тамъ же сказано: „преданія и писанія, божественному откровенію согласная, приѣмлемъ и утверждаемъ“.

Положеніе, что разумъ не можетъ быть началомъ разумѣнія Св. Писанія, справедливо и православно. Но положеніе, что и само Св. Писаніе не можетъ быть началомъ или пробнымъ камнемъ истиннаго разумѣнія Св. Писанія, требуетъ изслѣдованія.

Мысль, что такъ думаютъ лютеране, не есть еще признакъ ложнаго мнѣнія, потому что не всѣ положенія, принимаемая лютеранами, ложны. Лютеране погрѣшаютъ въ томъ, что для разумѣнія Св. Писанія не приѣмлютъ въ руководство толкованій св. Церкви и св. отецъ, а не въ томъ, что одно мѣсто Священнаго Писанія объясняютъ другимъ, болѣе яснымъ ¹⁾.

¹⁾ Авторъ *Замѣчаній* далѣе ссылается на авторитетъ Св. Синода. „Да будетъ позволено спросить: для чего святѣйшій Синодъ въ утвержденномъ имъ изданіи славянской Библии напечаталъ указанія сличительныхъ текстовъ Св. Писанія, если не для того, чтобы встрѣтившій въ одномъ текстѣ что-либо неясное, или неполное, для объясненія могъ обратиться къ другому о томъ же предметѣ тексту, болѣе ясному, или болѣе полному? Но чтобы сіе не показалось одною догадкою, посмотримъ, что самъ святѣйшій Синодъ говоритъ о семъ предметѣ въ своемъ предисловіи къ славянской Библии. „Параллелизмомъ нарицается разныхъ Св. Писанія мѣстъ между собою согласныхъ сношеніе, на тотъ конецъ установленное, да темнѣйшая въ яснѣйшихъ явленнѣйша будутъ, и яже сумнительная мнятся, та несумнительна покажутся. И сіе не есть новое

Отвергнуть правило: изъяснять неясное мѣсто Св. Писанія другимъ болѣе яснымъ, значило бы лишить истину сильнаго средства и оружія... Сокращенная Герменевтика лучше удовлетворила бы истинѣ и православію, если бы начало Герменевтики опредѣлила такъ: истинный и законный истолкователь неясныхъ мѣстъ Священнаго Писанія есть: 1) само Священное Писаніе, въ мѣстахъ онаго болѣе ясныхъ и полныхъ, и кунно 2) церковное преданіе, заключенное въ символахъ, догматахъ, правилахъ и толкованіяхъ св. соборовъ и св. отецъ. Первая часть сего положенія нужна для того, между прочимъ, чтобы можно было толкователю вразумлять и неприемлющихъ еще преданій; а вторая для того, чтобы поставить преграду своевольнымъ толкованіямъ раціоналистовъ, и другихъ, особенно новѣйшихъ сектъ“.

Въ „Замѣчаніяхъ м. Филарета на Конспектъ введенія въ православное Богословіе и на Конспектъ православной Догматики“ заслуживаютъ вниманія его сужденія о мѣстѣ ученія о св. церкви въ системѣ православнаго богословія. Легко видѣть, что и этотъ вопросъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ основному вопросу объ источникахъ христіанскаго убѣжденія, и что то или другое рѣшеніе его открываетъ путь къ разному пониманію самыхъ основаній христіанства.

„За ученіемъ о источникахъ христіанскія вѣры въ Конспектѣ (введенія въ православное Богословіе) слѣдуетъ ученіе о св. Церкви, какъ *учительницѣ* вѣры. Но далѣе, въ Конспектѣ православной Догматики, послѣ догматовъ о Богѣ и о Христѣ, назначается изложить *понятіе о Церкви вообще, Церкви новозавѣтной, Божественное учрежденіе, ея свойства.*

Изъ сличенія сихъ частей Конспекта открывается затрудненіе въ предполагаемомъ ходѣ ученія.

изобрѣтеніе, но древнѣйшихъ святыхъ отцовъ. Святый Климентъ Александрійскій въ книгѣ I Строматовъ сице глаголетъ: писанія объясняются иными пакы подобными писаніями. Святый Иринеи: доводы, рече, въ писаніяхъ сущія не могутъ объяснитися, аще не съ самыхъ писаній“. Итакъ правило: изъяснять Священное Писаніе согласно съ ясными мѣстами онаго, принявъ и торжественно проповѣдалъ Божію милостію святѣйшій правительствующій Синодъ, признавая оное не новымъ изобрѣтеніемъ, но преданіемъ древнѣйшихъ святыхъ отецъ. Слѣдственно Сокращенная Герменевтика напрасно признаетъ оное заблужденіемъ лютеранскимъ“.

Въ порядкѣ ли понятій, прежде говорить о Церкви, какъ о учительницѣ, а далеко послѣ представлять первое и общее о ней понятіе?

Правда, Конспектъ и во введеніи назначаетъ изложить понятіе о Церкви *общее и частныя*: но въ такомъ случаѣ одно и то же ученіе предложено будетъ дважды въ двухъ мѣстахъ.

Съ какою силою предложится ученіе о Церкви, какъ учительницѣ, когда еще не дано понятія о ея божественномъ учрежденіи и о ея свойствахъ? И можно ли основательно изложить ученіе о божественномъ учрежденіи христіанской Церкви, когда не изложено ученіе о Христѣ?

Св. Кирилль Іерусалимскій и св. Іоаннь Дамаскинъ не находили необходимымъ предлагать ученіе о Церкви прежде ученія о Богѣ.

Вселенскій символъ вѣры предложилъ ученіе о Церкви послѣ ученія о Богѣ и о Христѣ.

Сей порядокъ соблюденъ въ Православномъ Исповѣданіи Петра Могилы.

Древніе и новыя учителя восточной Церкви держались сего порядка. Долго держались его и богословы римской Церкви.

Не въ давнее время богословы римской Церкви стали предлагать ученіе о Церкви и о папѣ прежде ученія о Богѣ и о Христѣ, примѣтно стараясь тѣмъ усилить частное ученіе своего вѣроисповѣданія и дать ученію о Церкви и о папѣ первѣйшую важность, а не вторичную, послѣ догматовъ о Богѣ и о Христѣ.

Посему предлагается на совѣщаніе, нужно ли, чтобы православная система Богословія подражала сему западному нововведенію? При изложеніи ученія о священномъ преданіи, нужно, и довольно, сказать вкратцѣ о Церкви, какъ о сокровище-хранительницѣ онаго. Затѣмъ, какъ скорѣе хорошо опредѣлены и указаны *источники, въ которыхъ содержится священное преданіе*, что въ Конспектѣ и назначено: то сего достаточно, чтобы твердою ногою идти далѣе въ богословскомъ ученіи. Документы готовы: Священное Писаніе, писанія святыхъ отецъ, опредѣленія Соборовъ. Излагайте догматы, черпайте изъ сихъ источниковъ доводы, — ученіе о Церкви придетъ въ своемъ мѣстѣ, которое назначилъ оному символъ вѣры“.

Въ *новыяхъ* „замѣчаніяхъ“ на присоединенное къ исправленному „Конспекту“ объясненіе сдѣлано по тому же вопросу добавленіе.

„Въ приложенномъ къ исправленному по замѣчаніямъ Конспекту введенія въ православное Богословіе и догматическаго Богословія объясненіи, отвѣтствуется на предложенный въ замѣчаніяхъ вопросъ: надобно ли ученіе о Церкви предлагать прежде ученія о Богѣ и о Христѣ? И отвѣтствуется утвердительно.

Въ подтвержденіе сего представляется черта, положенная въ опредѣленіи православнаго Богословія: *по разуму православно-каволической Церкви*. Но это доказательство не рѣшительное. Опредѣленіе учебное не есть непреложное: *Разумъ истинны, яже по благочестію* (Тит. I, 1): вотъ Апостольское опредѣленіе православнаго Богословія, въ которомъ упомянуть о Церкви не найдено нужнымъ. И опредѣленіе, начинающее Конспектъ, будетъ твердо, вѣрно и способно ко всемъ потребнымъ выводамъ, если будетъ выражено такъ: православное Богословіе есть систематическое изложеніе христіанской вѣры по истинному разуму Священнаго Писанія и Священнаго Преданія. Симвъ опредѣленіемъ не только отличается православное Богословіе отъ неправославнаго, но и обличаетъ неправославное, не основанное на истинномъ разумѣ Писанія и на Преданіи. Если же принять удовлетворительнымъ опредѣленіе, что православное Богословіе есть изложеніе вѣры по разуму православныя Церкви: то западные богословы вправѣ признать также удовлетворительнымъ свое опредѣленіе, что римско-католическое богословіе есть изложеніе вѣры, по разуму римско-католической Церкви, а такимъ образомъ православное и неправославное Богословіе были бы поставлены въ равное положеніе, какъ будто одно не лучше другого“ и т. д.

Выше приведены сужденія изъ *Замѣчаній на Конспектъ введенія въ православное Богословіе*. Они продолжаются въ *Замѣчаніяхъ на Конспектъ православной Догматики*. „Подъ именемъ догмата,—читаемъ здѣсь,—Конспектъ различаетъ два вида: 1) *Всякое христіанское ученіе, откровенное Самимъ Богомъ*. 2) *Преподаваемое Церковью*. Раздѣленіе сіе не представляетъ правильности. Логика говоритъ, что раздѣляемыя части не должны заключаться одна въ другой. А здѣсь

второе понятіе заключается въ первомъ. Ибо *христіанское ученіе, преподаваемое Церковію*, есть не иное, какъ *откровенное Самимъ Богомъ*, и сохраненное посредствомъ Священнаго Писанія и Преданія. Если мысль была различить: 1) христіанское ученіе откровенное Богомъ и заключенное въ Священномъ Писаніи, и 2) сохраняемое Преданіемъ и преподаваемое Церковію: то нужно указать и на союзъ того и другого ученія. Ученіе Священнаго Писанія изъясняется преданіемъ, то-есть опредѣленіями соборовъ и толкованіями святыхъ отецъ; и ученіе Преданія взаимно должно быть соглашаемо съ Священнымъ Писаніемъ. Такъ поступали святые Соборы и святые отцы“...

М. Филаретъ касался вопроса о словѣ Божіемъ, какъ единомъ чистомъ источникѣ христіанскаго ученія, и въ письмахъ. Такъ въ письмѣ (1849 ноября 11) архимандриту Алексію, впослѣдствіи архіепископу тверскому, онъ писалъ, возвращая адресату „сочиненіе о ангелахъ хранителяхъ“ (напечатано въ *Прибавл. къ Твор. св. отц. 1849, VIII*): „Не по модѣ ли мы богословствуемъ? Прежде утверждались на Священномъ Писаніи и мало вниманія обращали на преданія. Потомъ съ силою замѣтили сей недостатокъ; слова: православіе, преданіе, стали звучать чаще и сливаться въ одинъ звукъ; и начали богословствовать по преданію, оставляя иногда позади Священное Писаніе, а нѣкоторые и унижали Писаніе. Новозавѣтные священные писатели писали по сошествіи на нихъ Святаго Духа, и они свидѣтельствовали и о ветхозавѣтныхъ, что отъ Святаго Духа просвѣщаемы глаголаша святіи Божіи челоуѣцы. Такъ ли вѣрно можно опредѣлить минуту, когда церковный писатель сдѣлался святымъ, и слѣдственно не просто писателемъ, подверженнымъ обыкновеннымъ недостаткамъ челоуѣческимъ? Церковь, конечно, думала о семъ вопросѣ, и учитъ признавать преданія, съ откровеніемъ Божіимъ согласныя. И потому не правильнѣе ли основывать ученіе главнымъ образомъ на Священномъ Писаніи, а преданіемъ дополнять, объяснять, защищать отъ неправомыслящихъ?“

Въ письмѣ къ архим. Антонію (1857 г. янв. 23) Филаретъ писалъ „о словѣ святителя Димитрія о Божіей Матери: поклоняюся твоему *безгрѣшному зачатію* отъ святыхъ родителей“ слѣдующее: „Слова святителя Димитрія можно по-

нимать о зачатіи чистомъ отъ произвольнаго грѣха, ибо сіе было послѣ долгой честной жизни, въ старости, не по желанію плоти, но въ послушаніи предреченію ангела. Но вѣроятно и то, что онъ понималъ оныя такъ, какъ о семъ мудрствуютъ нынѣ на западѣ. Онъ получилъ первоначальное образованіе такъ, что въ семъ болѣе участвовали западные наставники и западныя книги. Встрѣченное мнѣніе, ознаменованное благоговѣніемъ къ Божіей Матери, могло быть принято по чувству сего же благоговѣнія, тогда какъ не приходило на мысль строго изслѣдовать оное въ отношеніи къ догмату искупленія рода человѣческаго отъ первороднаго грѣха единственно кровію воплощеннаго Сына Божія.—При семъ вспоминаю разговоръ мой съ пустынскимъ архимандритомъ Игнатіемъ (т. е. Сергіевой пустыни архимандритомъ, позднѣе епископомъ, Игнатіемъ Брянчаниновымъ). Книгу *о подражаніи Христу* онъ такъ не одобрялъ, что запрещалъ читать. Я возразилъ ему, что святитель Димитрій приводитъ слова сей книги, оговариваясь, что Тома Кемпійскій хотя иностранный купецъ, но приноситъ добрый товаръ. Архимандритъ отвѣчалъ мнѣ: мы не знаемъ, когда святитель Димитрій введенъ былъ въ благодатное достоинство святаго отца, и, можетъ быть, указанное мною написалъ еще тогда, когда былъ просто благочестивымъ писателемъ или проповѣдникомъ. И св. Варсонофій Великій говорилъ, что святые отцы подъ охраненіемъ благодати Божіей писали чистую истину: однако между тѣмъ иногда, не оградивъ себя молитвою, писали мнѣнія, слышанныя отъ наставниковъ, не строго испытанныя, которыя читающій безъ оскорбленія святыхъ отцовъ можетъ, и долженъ, отложить въ сторону, не обяываясь принять оныя“.

Въ рѣчи на открытіе Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (1863 г. сентября 17) Филаретъ высказалъ въ краткой формулѣ какъ бы итогъ своихъ многолѣтнихъ размышленій по коренному вопросу христіанскаго богословія. „Мудрость христіанская должна быть чиста. Ея чистый источникъ есть Богъ,—Его слово, заключенное въ священныя писанія, уясненное церковными опредѣленіями, ученіемъ и духовными опытами Богомудрыхъ мужей“.

Такъ устойчиво и послѣдовательно въ теченіе болѣе, чѣмъ пятидесяти лѣтъ, великій богословъ стоялъ на стражѣ той величайшей христіанской истины, что единый чистый и достаточный источникъ ученія Вѣры есть Богъ, Его слово, содержащееся въ Священномъ Писаніи, уясняемое церковными опредѣленіями, ученіемъ и духовными опытами Богомудрыхъ мужей. Въ неразрывной связи съ этимъ высокимъ воззрѣніемъ на слово Божіе стоятъ труды Филарета по переводу Библии на русскій языкъ — дѣло всей его жизни. Все это служеніе слову Божію онъ совершалъ въ тяжелой борьбѣ съ временными латинствующими теченіями въ русскомъ обществѣ и церкви, и оно было для него духовнымъ подвигомъ, равныхъ которому по вложенной энергіи и понесеннымъ ударамъ со стороны противниковъ мало представляетъ всемірная исторія. Служеніе этой истинѣ требовало силъ не менѣе, чѣмъ геніальныхъ, и энергіи героической: она настолько духовно высока и чужда примѣси человѣческихъ соображеній, что даже иные поклонники Филарета въ наши дни стараются будто извинить этого духовнаго колосса, поправить его ученіе, защитить отъ нареканій въ протестантизмъ. Конечно, и Филаретъ свое ученіе не всегда выражалъ съ одинаковою точностью, и его ученіе имѣетъ свою исторію, какъ о томъ достаточно свидѣлствуютъ судьбы его катихизисовъ. Но въ послѣднемъ итогѣ, его воззрѣніе на слово Божіе, какъ на источникъ христіанскаго знанія, направленное своимъ остриемъ противъ крайностей католицизма, не грѣшитъ ошибками протестантизма, хотя нѣкоторое совпаденіе съ инославіемъ, въ частности, съ протестантизмомъ само по себѣ, какъ это добросовѣстно заявлено Филаретомъ, не нуждается въ извиненіи. „Мысль, что такъ думаютъ лютеране, не есть еще признакъ ложнаго мнѣнія, потому что не всѣ положенія, принимаемая лютеранами“ — какъ, разумѣется, и католиками — „ложны“. Вотъ мужественное слово! Колебаніе между католичествомъ и протестантизмомъ, вѣчное опасеніе сблизиться съ тою или другою стороною, есть признакъ духовной робости. Нужно искать истины, только истины, не боясь никакихъ сблизеній. Разъ навсегда нужно признать лишеннымъ всякой силы это возраженіе: такъ думаютъ католики! такъ думаютъ протестанты! Если мы, православные, совпадаемъ въ той или другой

истинѣ съ католиками или, даже, лютеранами, тѣмъ лучше для нихъ—для католиковъ, для лютеранъ, и нѣтъ въ томъ никакой бѣды для насъ. Отъ того, что есть ложнаго въ протестантствѣ, воззрѣніе Филарета далеко. Значеніе церкви, ея необходимость для христіанскаго познанія признается имъ рѣшительно. Какъ духовное рожденіе въ крещеніи, такъ и слово Божіе мы принимаемъ отъ церкви, и только отъ церкви. Словомъ Божіимъ мы считаемъ то, что церковь выдаетъ за слово Божіе—ни болѣе, ни менѣе. Нѣтъ мѣста для личныхъ сомнѣній въ канонѣ священныхъ книгъ, нѣтъ основаній для практическихъ выводовъ по вопросу о подлинности священныхъ писаній: здѣсь вся сила принадлежитъ голосу церкви. Равнымъ образомъ, и понимаемъ мы слово Божіе по церковному „правилу вѣры“, по догматической нормѣ. Въ этомъ отличіе православія отъ крайняго протестантскаго индивидуализма. Но еще важнѣе отличіе отъ католицизма. Католицизмъ утверждаетъ, что вѣрующіе получаютъ отъ церкви, отъ ея органовъ, въ ея опредѣленіяхъ—всю истину, сполна, такъ что истина исчерпывается церковными формулами: это католики называютъ церковнымъ учительствомъ. Напротивъ, по православному воззрѣнію, церковь, вращивая вѣрующаго въ водѣ крещенія и въ церковномъ назиданіи, приводитъ его къ слову Божію, какъ источнику непосредственнаго наученія отъ Бога, интимнаго общенія съ Отцомъ Небеснымъ. Въ католичествѣ вѣрующій всегда остается рабомъ, въ православіи церковь рождается и вращивается свободный сынъ Отца Небеснаго. Церковь не требуетъ рабскаго повиновенія: она сама свидѣтельствуется словомъ Божіимъ. Рождая и вращивая вѣрующаго и вручая ему своимъ незамѣнимымъ авторитетомъ слово Божіе, она затѣмъ въ интимномъ опытѣ вѣрующаго находитъ свое послѣднее подтвержденіе, свои глубочайшіе корни. Въ этомъ незыблемая правда проповѣданнаго Филаретомъ ученія.

Въ его воззрѣніи есть лишь формальная неточность. Опъ ошибочно настаивалъ, что церковные догматы даже по буквѣ заимствованы изъ слова Божія. Кромѣ приведенныхъ мѣстъ, еще укажемъ его слова изъ *Замѣчаній на Конспектъ введенія въ православное Богословіе*: „Все выраженія въ Никейско-цареградскомъ символѣ взяты изъ